

УДК 811.161.1

И. И. Степанченко

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

I. I. СТЕПАНЧЕНКО. ОСНОВНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ МОВИ В ФУНКЦІОНАЛЬНІЙ ЛІНГВІСТИЧНІЙ ПАРАДИГМІ.

У функціональній лінгвістичній парадигмі відношення між системами мислення та мови не розглядаються як відношення знакової репрезентації. Система мови – це система оперування вербальними образами в акті комунікації, система мислення – це система оперування «предметними» образами, тобто образами явищ позамовної дійсності. Ці системи відносно автономні і водночас тісно пов'язані одна з одною. Зміна методологічних засад змушує переглянути зміст основних лексичних, граматичних та текстових категорій. У статті виділені окремі аспекти вивчення мови, що потребують перегляду з огляду на взаємодію мовних та мисленнєвих категорій.

И. И. СТЕПАНЧЕНКО. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ.

В функциональной лингвистической парадигме отношения между системами мышления и языка не рассматриваются как отношения знаковой репрезентации. Система языка – это система оперирования вербальными образами в акте коммуникации, система мышления – это система оперирования «предметными» образами, т.е. образами явлений неязыковой действительности. Эти системы относительно автономны и в то же время тесно взаимосвязаны. Изменение исходных методологических посылок заставляет пересмотреть содержание основных лексических, грамматических и текстовых категорий. В статье выделены отдельные аспекты изучения языка, нуждающиеся в пересмотре с точки зрения взаимодействия языковой и мыслительной систем.

I. I. STEPANCHENKO. THE BASIC ASPECTS OF LANGUAGE STUDIES IN THE TERMS OF THE FUNCTIONAL LINGUISTIC PARADIGM.

The relationships between the mental system and language one are not considered to be the relationships of the sign representation in the terms of the functional linguistic paradigm. The language system is the system that operates verbal images in the act of communication, the mental system is the system that operates "substantive" images, i.e., non-linguistic reality images of phenomena. These systems are relatively autonomous and at the same time closely linked. Changing the initial methodological assumptions initiates to redefine the content of basic vocabulary, grammar and word categories. Some aspects of language studies that should be reviewed because of the interaction of language and mental systems are defined in the article. In the field of lexis the functional definition of lexical meaning is ungrammatical rules of word operating in the communicative act. It makes to renew the vision of the paradigmatic and syntagmatic relations system, interdependence of lexical systems, rethink synonyms antonyms categories etc. In the field of morphology, in particular, the studies of the so-called lexical and grammatical categories in terms of the interdependence of mental and language ties in their content are seemed to be rather perspective. The interaction of language and thought determines the operation specifics of such syntactic units as homogeneous members, asyndetic complex sentences, etc. In the text theory the functional approach allows to describe a text substantial structure in the new terms, develop a text typology to determine the degree of variability of text content, basing on the features of the language and non-language levels connection in its content, etc. Changing the methodological approach to the linguistic units' analysis is determined by the inclusion of linguistics in the human sciences. The interdisciplinary nature of the methodological aspects of functional linguistics allows to build a more adequate model of language, not taking into account individual features of the simulated object, but the specificity of the whole object.

© И.И. Степанченко, 2016

<http://doi.org/10.5281/zenodo.165452>

Функционализм как одно из направлений современного антропоцентризма основан на нескольких постулатах, из которых главным является следующий¹.

В акте вербальной коммуникации участвуют две тесно связанные, но принципиально не совпадающие системы, которые с некоторой долей условности можно называть системами мышления и языка. Единицами первой системы являются «предметные» образы и понятия, т. е. образы явлений и ситуаций окружающей действительности и связи между ними в мышлении человека. Закономерности, организующие эту систему, определяются знанием реципиентом явлений действительности и связей между ними. Единицами второй системы являются вербальные образы (т. е. образы языковых единиц, в частности – слов) и связи между ними. Владение законами оперирования вербальными образами – это знание языка. Знание языка и знание неязыковой действительности как основание законов оперирования соответствующими образами различны, следовательно, и законы оперирования в акте коммуникации «предметными» и вербальными образами не совпадают. Например, для построения словосочетания *ехать трамваем* или *ехать на трамвае* необходимо владеть соответствующими вербальными образами и грамматическими конструкциями, характерными для русского языка и определяющими правила оперирования ими (ср. нем. *fahren mit ...* – досл. *ехать с...*, что невозможно в русском языке). С другой стороны, различие в выборе слов (вербальных образов) *трамвай* и *автобус* (*ехать на трамвае* – *ехать на автобусе*) обусловлено оперированием соответствующими «предметными» образами, относящимися к неязыковой сфере.

В акте коммуникации системы мышления и языка не функционируют автономно: оперирование вербальными образами вне связи с «предметными» образами – бессодержательная, хотя и правильная с языковой точки зрения речь (тексты ни о чем), а оперирование «предметными» образами вне их связи с вербальными или иными «языковыми» (например, живописными) средствами не имеет отношения к акту общения.

О тесной связи языкового и неязыкового в содержании слова позволяет, в частности, судить анализ т. н. «речевых» ошибок в сочинениях школьников. Например, в предложении «*В картине “Мона Лиза” Леонардо **изобразил** свои черты характера*» нарушена сочетаемость слова *изобразить* и словосочетания *черты характера*. Нарушение носит не языковой, а образно-понятийный (логический, мыслительный) характер, поскольку изобразить на полотне черты характера невозможно, их можно только опосредованно отразить. Язык допускает сочетаемость, которая является ошибочной с мыслительной точки зрения.

С другой стороны, ошибки типа *изучает иноземные языки* вызваны неумением оперировать словами языка (*иноземный* – *иностранный*), хотя образно-понятийная основа словосочетаний *иностранные языки* – *иноземные языки* остается неизменной.

Этот и другие постулаты функционализма определяются общеметодологическими посылками, в частности – отказом от представления о связи между миром действительности, миром мышления и миром языка как связи семиотической репрезентации, т.е. по существу дублирования, непосредственного отражения одного мира в другом².

Тесная связь языковой и мыслительной систем, их взаимообусловленность в акте коммуникации является предметом анализа единиц разных уровней системы языка в функциональном аспекте. Краткое описание отдельных направлений такого анализа является целью настоящей статьи.

В функциональной лингвистической парадигме нуждаются в переосмыслении в соответствии с принимаемыми постулатами основные категории лексики и грамматики языка, а также теории текста.

Функциональный подход к лексике подразумевает переход к операциональному (динамическому) определению лексического значения как собственно языковой, внутриязыковой категории. Традиционно понимаемая лексическая семантика представляет собой отражение в мышлении явлений действительности в слове, включенном в системные отношения с другими словами. С функциональной точки зрения, план содержания имен (грамматическая и лексическая семантика) – это законы оперирования именами, семантика как процесс проявляется в свя-

¹ См. об этом подробнее в [9].

² См. об этом подробнее в [6].

зях между словами. Если рассматривать лексическую семантику как неграмматические правила оперирования словом в данной языковой системе³, то проявление семантических связей, видимо, следует искать в области сочетаемости. Подобной точки зрения придерживался, в частности, В. А. Звегинцев: «Совокупность... возможных сочетаний слова фактически и обуславливает существование лексического значения как объективно существующего явления или факта языка» [4, с. 122–123].

Приведенное определение лексического значения требует переосмысления содержания таких семасиологических и ономазиологических категорий лексикологии, как системные отношения, многозначность, синонимия и антонимия и др.

Так, в частности, необходимо выявить специфику системных связей в лексике, проявляющуюся при рассмотрении системных отношений с функциональной точки зрения.

Как и в традиционной лексикологии, под системными отношениями понимаются отношения семантической зависимости между вербальными единицами (образами). Система рассматривается как упорядоченное множество элементов, в котором свойства одного элемента зависят от свойств других элементов.

Прежде всего, предстоит более четко очертить область проявления собственно языковых, семантических связей в отличие от связей мыслительных, образно-понятийных. Во-вторых, необходимо выявить сущность собственно языковой зависимости одного слова от другого в парадигматике и синтагматике. В-третьих, показать взаимосвязь и взаимообусловленность одного типа системных отношений другим.

Как уже отмечалось, традиционное вычленение парадигматических систем в лексике основано на методологии знаковой репрезентации отношений между явлениями действительности, их отражением в мышлении и в языке. Со структуральной точки зрения, в основе построения лексических парадигм лежат отношения между явлениями действительности. Языковая обусловленность одного лексического значения лексическими значениями других слов, образующих с исходным в языке одну систему, также в конечном счете основана на отношениях между явлениями действительности. В этом случае системный характер лексической семантики утрачивает языковую специфику и по существу носит экстралингвистический характер.

В лексике вычленение синтагматических зависимостей в системных отношениях с функциональной точки зрения представляется более очевидным, чем парадигматических. Понимая под лексической семантикой неграмматические правила оперирования словом в языке, в одну парадигматическую систему необходимо включить слова, сочетаемость которых с другими словами характеризуется сходством и различиями. Эти признаки предстанут как интегральные и дифференциальные свойства членов парадигмы. Например, слова, обладающие близкой или идентичной сочетаемостью, будут рассматриваться как синонимы. Трудность вычленения подобных парадигм заключается, во-первых, в необходимости одновременного учета как правой, так и левой дистрибуции слова, во-вторых, в недостаточной определенности понятия «тип сочетаемости».

Сочетаемость как сфера функционирования значений слов уже рассматривалась лингвистами в качестве критерия синонимичности, в частности Ю. Д. Апресяном. Однако, с точки зрения Ю. Д. Апресяна, отношения, в которые могут вступать синонимы, кроме полного совпадения сочетаемости, могут характеризоваться и включением сочетаемости, и пересечением сочетаемости, и полным несовпадением сочетаемости [2, с. 230].

Ю. Д. Апресян выделил 3 основных типа сочетаемости: морфосинтаксическую, лексическую и семантическую. **Морфосинтаксическую сочетаемость** слова ученый предлагает описывать с точки зрения морфологических и синтаксических характеристик слов, способных с ним сочетаться: «информация о части речи или синтаксическом статусе В и о грамматической (в частности, предложно-падежной) форме, в которой В должно стоять, составляет морфосинтаксическую сочетаемость А или морфосинтаксические ограничения на сочетаемость А» [2, с. 61]. Этот тип сочетаемости можно назвать грамматическим.

³ Анализ этого определения см. ниже.

Лексическую сочетаемость слова или лексические ограничения на сочетаемость, по мнению исследователя, составляет «информация о том, каким должно быть слово В или класс слов В1, В2, В3, ... Вn, с которым (и) синтаксически связано <данное> слово» [2, с. 61].

Лексическую сочетаемость можно представить только списком слов, с которыми может сочетаться данное слово, в случае **семантической сочетаемости** ограничения задаются указанием на семантический признак, то есть на сему, которая должна присутствовать в составе сочетающихся слов [2, с. 14].

Если говорить о значении как о грамматических и неграмматических законах оперирования словом в системе данного языка, т. е. рассматривать значение с функциональной точки зрения, то можно утверждать, что в рамках классификации сочетаемости, предложенной Ю. Д. Апресяном, значение проявляется в морфосинтаксической (грамматическое значение) и лексической (лексическое значение) сочетаемости. Семантическая сочетаемость, основанная на итеративности сем, относится к образно-понятийной области.

На первый взгляд, может показаться, что в функциональной теории происходит простая замена термина «лексический» термином «мыслительный, логический» при сохранении их содержания, т. е. традиционно рассматриваемое как отражение явлений действительности лексическое значение выводится за пределы языка, рассматривается как мыслительная категория, а язык, следовательно, лишен лексической семантики. Однако это не так. Рассматривая семантику в целом как законы оперирования словом в пределах определенной языковой системы, функциональная теория сохраняет понятия грамматическая и лексическая семантика, наполняя последний термин несколько иным содержанием. Действительно, законы оперирования словом в языке могут носить собственно грамматический характер, например, законы синтаксического согласования, выбор в соответствии с законами грамматики языка определенных словоформ и т. д. Однако есть и неграмматические правила оперирования словом. Так, сочетания *это моя закадычная подруга* или *потупить письмо в ящик* невозможны в силу того, что слова *закадычный* и *потупить* имеют несвободные фразеологически связанные значения и их сочетаемость ограничена неграмматическими законами. Неграмматические правила оперирования словом в языке могут быть названы лексической семантикой.

Семантика, в частности лексическая, выступает как абстрактная категория, определяющая законы связи между именами – конкретными единицами языка. Отношение между именами и значением как конкретными и абстрактными единицами языка аналогично отношению между образами (область конкретного) и понятиями (область абстрактного) в мышлении и между явлениями и сущностью в действительности.⁴

С функциональной точки зрения, как уже отмечалось, в лексическую парадигму входят единицы с близкой лексической сочетаемостью. Иными словами, противопоставление синтагматики парадигматике является весьма условным, поскольку в основе формирования парадигмы лежат в конечном счете синтагматические связи⁵.

Значительные различия имеют место и при выделении разновидностей парадигматических систем в структуральном и функциональном аспектах. Предстоит определить особенности совпадения/близости синтагматических связей, которые формируют лексико-семантические группы, синонимы, антонимы и т.д.

Если проблема выделения синонимов как вербальных единиц с совпадающими или близкими законами их оперированием в языке связана с разграничением типов сочетаемости, то выделение категории антонимии как собственно языковой вообще представляется затруднительным, поскольку сомнительно существование противоположных законов оперирования словом. Как известно, лексическая сочетаемость антонимов, как и синонимов, близка или совпадает. Например, слова *способствовать* и *препятствовать* с точки зрения законов оперирования ими в языке являются абсолютными синонимами: ЧТО *способствует* (*препятствует*) ЧЕМУ? ЧЕМ? В ЧЕМ?⁶ как на уровне грамматики (совпадают синтаксические позиции), так и на уровне лексики (замещения синтаксических позиций соответствующими словоформами). В любом контексте слова *способствовать* и *препятствовать* являются взаимозаменяемыми: *Механиза-*

⁴ См. об этом подробнее в [6].

⁵ См. об этом [7].;

⁶ Пример заимствован из [1].

ция способствует (препятствует) повышению производительности труда. Книга способствует (препятствует) распространению знаний. Противоположность проявляется на образно-понятийном (мыслительном) уровне, т. е. на уровне оперирования «предметными» образами. Следовательно, с функциональной точки зрения вопрос о существовании антонимов на собственно языковом уровне остается открытым.

В области грамматики, как и в области лексикологии, к числу актуальных проблем функционализма следует прежде всего отнести проблему зависимости одной системы от другой в синхронном акте коммуникации и в диахронии в процессе формирования той или иной грамматической категории, т. е. проблему взаимодействия языковой и мыслительной систем. В грамматике это касается в первую очередь т.н. лексико-грамматических категорий: например, рода имен существительных и пола, одушевленности и живого, числа и количества и т. д.

Так, категория одушевленности имен существительных, очевидно, исторически формировалась как неязыковая на основе признака живое/неживое. Сходство в оперировании соответствующими вербальными образами в языке на грамматическом уровне (совпадение форм винительного и родительного падежей во множественном числе), перенос акцента с логического (неязыкового) признака на грамматический расширили объем существительных собственных и изменили тип категории, превратив ее в грамматическую или лексико-грамматическую, т. е. выделяемую на основе как языковых, так и неязыковых признаков.

Безусловный интерес представляет с этой точки зрения категория однородности в синтаксисе, в частности однородность/неоднородность определений. Сам термин свидетельствует о том, что в основе этой категории лежит неязыковой признак (выражение логических отношений вида внутри одного рода). К грамматическим признакам однородности, как известно, относятся синтаксическая однофункциональность, одинаковая синтаксическая соотнесенность и сочинительная синтаксическая связь между однородными членами. В типичных случаях грамматика и логика подкрепляют друг друга (оба типа признаков совпадают). Однако в ряде случаев эта подкрепленность нарушается. Например, постпозитивные согласованные определения, будучи неоднородными с логической точки зрения, приобретают вследствие инверсии признак грамматической однородности: *пошел поезд **длинный, товарный**.*

Другой причиной однородности определений, кроме порядка слов, является степень распространенности определения. Как известно, одиночные определения, занимающие позицию перед распространенными, образуют вместе с ними однородный ряд, при изменении порядка следования однородный ряд не образуется. Логический признак однородности в таких контекстах, как правило, не является существенным: *из-за **белых, опаленных огнем пожара** домов вышел солдат – из-за **опаленных огнем пожара белых** домов...* Однако в ряде случаев эта закономерность нарушается под влиянием логики. Например, в предложении ***Другие нерешенные в данной статье** проблемы следует отнести...* определения неоднородны.

Особый случай связи логики и грамматики (мышления и языка) имеет место при логических отношениях уточнения, формирующих однородность при отсутствии ее грамматических показателей. В предложении *К финишу подъехал **последний, восемнадцатый** велосипедист* определения *последний* и *восемнадцатый* являются однородными исключительно благодаря пониманию предложения на уровне оперирования «предметными» образами, т.е. на неязыковом уровне (*последний* и был *восемнадцатым*). При другом понимании (кроме *последнего*, были и другие *восемнадцатые велосипедисты*, т.е. *восемнадцатых велосипедистов* было несколько) определения являются неоднородными, возникает логическая и грамматическая соотнесенность первого определения с сочетанием второго определения и определяемого слова. Логический контекст в сущности может оправдать однородность/неоднородность за редким исключением любой пары определений. Последнее тесно связано с пунктуацией: проблема постановки знаков при определениях – это проблема вариантов понимания смысла высказывания.

Интерес с этой точки зрения представляют и другие синтаксические конструкции, допускающие вариативность толкования, в частности бессоюзные сложные предложения.

Значительные изменения претерпевает в функциональной лингвистической парадигме понятие текста. Отказ от семиотических представлений о связи действительности, мышления и языка влечет за собою пересмотр теории кодирования содержания в тексте средствами языка.

Содержание текста как образы, мысли, эмоции в строгом смысле слова не закодировано в тексте. Оно генерируется материальной формой при каждом прочтении текста на основе языкового и образно-понятийного (мыслительного) тезауруса воспринимающего. При этом содержание одного и того же текста характеризуется как вариативностью, так и стабильностью. Оба свойства содержания текста обусловлены, с одной стороны, одновременной стабильностью и вариативностью самого процесса восприятия на основе опыта реципиентов, с другой – особенностями авторской организации воспринимаемой материальной формы. Иными словами, формируемое в сознании разных людей содержание одного и того же текста не совпадает потому, что с одним и тем же словом у разных людей связаны различные и в то же время во многом совпадающие жизненные впечатления, ассоциации – образные и понятийные. Степень вариативности зависит также от того, как организована автором форма текста. Например, текст газетной информации воспринимается с меньшей степенью вариативности, чем, например, стихотворение М. Цветаевой.

Воспринимая текст, мы лишь в той или иной мере приближаемся к авторскому варианту, который буквально не заложен непосредственно в тексте (см. описанный Н. А. Рубакиным 2-й закон Гумбольдта – Поттебни) [8]. Перефразируя известное высказывание Ф. И. Тютчева «мысль изреченная есть ложь», можно утверждать, что «изреченная мысль» есть дважды ложь. Не случайно автор испытывает неудовлетворенность при чтении написанного им, т. е. он чувствует различие между исходным замыслом и восприятием написанного, превращаясь в читателя. Вторая ложь – это несовпадение замысла автора и читательского восприятия в процессе функционирования текста в социуме. К описанию особенностей организации формы текста, определяющих степень вариативности его восприятия, наука только приступила⁷.

Недостаточно разработана функциональная типология текстов. Выделение текстов проективного и концептуального типов М.Н. Правдиным [6] – лишь начало такой разработки. Предстоит расклассифицировать тексты с точки зрения особенностей их содержательной структуры, включающей языковой и неязыковой уровни, т. е. с точки зрения особенностей связей между этими уровнями.

Не ясно до конца различие между текстом в функциональном аспекте и дискурсом в понимании Н. Д. Арутюновой [3], поскольку вне «погружения в жизнь», т. е. вне акта восприятия (основная характеристика дискурса), существование текста с позиций рассматриваемой лингвистической парадигмы невозможно: в этом случае текст лишен содержания. Естественно, здесь, как и при рассмотрении лексики и грамматики, названа лишь часть проблем, подлежащих рассмотрению.

Таким образом, изменение исходных методологических посылок влечет за собой переход от одной лингвистической парадигмы к другой (от структуральной к функциональной) и, как следствие, пересмотр содержания большей части лингвистических категорий как в области теории лексики и грамматики, так и в сфере функционирования текста. Естественно, возникает вопрос о целесообразности и продуктивности пересмотра методологии лингвистики.

Как любые психические процессы, не подлежащие непосредственному наблюдению, план содержания языка является объектом моделирования. Лингвистическая парадигма, в сущности, это определение аксиоматики такой модели. При этом степень аксиоматичности может быть разной, поскольку аксиомы, лежащие в основе модели, могут носить конвенциональный характер, т. е. быть результатом договоренности лингвистов (например, условимся рассматривать лексическое значение слова как набор семантических множителей), и могут представлять собой результат междисциплинарного анализа методологической проблемы. Междисциплинарный характер такого анализа связан с тем, что решить методологические проблемы лингвистики, не выходя за пределы науки о языке, невозможно, поскольку для их решения необходимы данные философии, психологии, физиологии и других наук.

Модели конвенционального типа, как правило, отражают отдельные стороны моделируемого объекта, носят метафорический характер⁸. Вопрос о соответствии модели объекту в целом, как правило, в этом случае даже не ставится. Так, в приведенном выше примере не ста-

⁷ См. монографию [5] и кандидатскую диссертацию М.В. Оробинской о глубине текста .

⁸ См. об этом подробнее в [10].

вится вопрос о том, зафиксировано ли реально лексическое значение в сознании человека в виде статичных признаков (сем), игнорируется общепризнанный в психологии тезис о процессуальном, характере психических явлений. Иными словами, разрабатывая подобные модели, лингвисты даже не пытаются ответить на вопрос: «А как это на самом деле?» Более того, даже постановка такого вопроса чаще всего вызывает у лингвистов раздражение, поскольку лингвист считает себя обязанным решать проблемы своей науки, а не рассматривать проблемы других наук.

Второй путь решения методологических проблем, связанный с междисциплинарной их разработкой, если рассматривать его теоретически, является, несомненно, более перспективным и научно обоснованным. Однако практическая его разработка существенно затруднена значительными расхождениями в методологии разных наук⁹. Как правило, лингвистам нелегко отказаться от наработанных десятилетиями представлений о сущности языка и его единиц даже в случае, когда эти представления явно противоречат данным смежных наук. Например, в логике четко разведены понятие и его определение, в лингвистике же, например, научные и наивные определения понятия рассматриваются как собственно научные и наивные понятия. Причем последние, совпадая с лексическими значениями, относятся к системе языка, образуют языковую картину мира, а первые включаются в систему мышления и формируют т.н. концептуальную картину мира. Заметим, что, если ликвидировать это противоречие и рассматривать не научные и наивные понятия, а научные и наивные определения понятий, нельзя говорить о том, что они формируют соответствующие картины мира. Таким образом, можно констатировать, что междисциплинарная разработка методологических проблем лингвистики, несмотря на все ее трудности, является перспективной, научно обоснованной и может привести к пересмотру многих устоявшихся лингвистических теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина (Зотова) Т. Я. Сочетаемость русских глаголов преобразующего физического воздействия на объект (на материале языка научной литературы): дисс. ... канд. филол. наук / Т. Я. Анохина (Зотова). – М.: УДН им. П. Лумумбы, 1979. – 200 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Звегинцев В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 320 с.
5. Оробинская М. В. Русская рок-поэзия: моделирование глубины текста / М. В. Оробинская. – Харьков: Издатель Иванченко И. С., 2016. – 164 с.
6. Правдин М. Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке / М. Н. Правдин. – М.: Вдохновение, 1991. – 231 с.
7. Правдин М. Н. К вопросу о формах презентации языка в учебнике. (Парадигматика и синтагматика) / М. Н. Правдин // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 49–62.
8. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги / Н. А. Рубакин. – М.: Книга, 1977. – 264 с.
9. Степанченко И. И. Функционализм как альтернативная лингвистическая парадигма / И. И. Степанченко. – К.: Українське видавництво, 2014. – 200 с.
10. Степанченко И. И. Метафора в лингвистических дефинициях и интеграция наук о человеке / И. И. Степанченко // Русская филология. Вестник ХНПУ. – Х., 2012. – № 4 (48). – С. 45–48.
11. Степанченко И. И. Лингвистический антропоцентризм и проблема интеграции наук о человеке / И. И. Степанченко // Русистика: Сборник науч. трудов. – Киев: Изд-во КНУ им. Т. Г. Шевченко, 2014. – Вып 13. – С. 45–48.

(Статья поступила в редакцию 15 июля 2016 г.)

⁹ См. об этом подробнее в [11].